

© 2019 г.

Ф. О. ТРУНОВ

ЭВОЛЮЦИЯ «ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ» ФРГ В 1991–1994 годах

Трунов Филипп Олегович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела Европы и Америки ИНИОН РАН (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640004842-4

«Сердцевиной» «Восточной политики» ФРГ в годы «холодной войны» являлись отношения Западной Германии с СССР. В условиях прекращения существования Советского Союза и возглавляемого им социалистического лагеря встал вопрос о том, как будет развиваться трансформация внешней политики ФРГ на этом стратегическом направлении. Переходным периодом, в ходе которого определялись контуры нового курса Германии в отношении различных регионов постсоциалистического пространства: Восточной Европы, стран Балтии, де-факто отделившихся от СССР еще до Беловежского соглашения 1991 г., постсоветских республик, особенно России — стал отрезок 1991–1994 гг. Выбор его нижней хронологической рамки обусловлен вступлением в 1991 г. в открытую фазу процессов самороспуска ОВД (1 июня) и СССР (25 декабря). Верхняя граница — это время полного свертывания советского (российского) военного присутствия в странах Восточной и Центральной Европы — в первую очередь, «новых землях» ФРГ.

Западные (особенно немецкие) и отечественные исследователи создали значительный научный задел в изучении российско-германских отношений в первой половине 1990-х годов¹. Значительно меньшим, особенно со стороны специалистов из РФ, было внимание к вопросам взаимоотношений ФРГ со странами Восточной Европы и расположенными на окраинах бывшими союзными республиками, в том числе странами Балтии. При этом отсутствуют работы, содержащие комплексный анализ действий германской дипломатии на всех отмеченных направлениях в начале 1990-х годов. Попыткой восполнить этот научный пробел является наша статья.

Ее задача — исследовать принципы, динамику и результаты использования объединенной Германией дипломатического инструментария на завершающем этапе «Восточной политики» в ее традиционном понимании. Методологической основой работы выступает ивент-анализ дипломатических шагов Германии на постсоциалистическом пространстве, а материал представлен по проблемно-географическому принципу.

Добившись включения в свой состав территории бывшей ГДР, с осени 1990 г. ФРГ стала параллельно решать две задачи, расходящиеся на первый взгляд по своей направленности. Ими стали интеграция «новых земель» и активизация внешней политики — в первую очередь, за пределами евро-атлантической региональной подсистемы. Историческая практика показывает, что после присоединения новых обширных

¹ Deutschlands neue Außenpolitik. Bd. 1. Grundlagen. München, 1994; *Максимычев И. Ф.* «Восточная политика» единой Германии: итоги первого десятилетия. М., 2001; *Марков В. Н.* Политика ФРГ в отношении России (политологический анализ). М., 2001; *Hacke Ch.* Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland von Konrad Adenauer bis Gerhard Schröder. Berlin, 2003; *Никитин А. К.* Стратегия современной Германии на международной арене и интересы России. М., 2006; *Егоров А. И.* Россия — Германия: политический диалог в начале постбиполярной эпохи (1990-е гг.). Вестник Омского университета, 2013 № 1.

земель государства временно (2—4 года и более) снижали активность на мировой арене, переключая максимум внимания на освоение приобретений.

Для Боннской республики со времени её возникновения в 1949 г. решение «германского вопроса» являлось первоочередной задачей, и после достижения этой цели логичным было бы наличие хронологического промежутка для переосмысления ситуации в мире и формулирования модифицированной концепции линии действий ФРГ на международной арене (в том числе на доктринальном уровне). Однако процесс резкой активизации деятельности Германии за пределами евро-атлантической региональной подсистемы стартовал уже в первые недели после приобретения территории бывшей ГДР, причем сразу по нескольким направлениям: Восточная Европа, возникшие постсоветское и постюгославское пространства, нестабильные государства Азии и Африки.

До середины 1990-х годов политика ФРГ на международной арене, особенно по вопросам безопасности, опиралась на доктринальные установки, выработанные в период «холодной войны». Так, Белая книга по положению дел и будущему бундесвера (1985 г.), предусматривавшая его дальнейший рост (с уровня в 495 тыс. военнослужащих) и техническое переоснащение², была заменена лишь в 1994 г. Согласно Договору об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. ФРГ должна была сократить численность вооруженных сил (с учетом интегрируемых войск ГДР) до 370 тыс. к концу 1994 г.³

Чем была обусловлена активизация внешней политики Германии с рубежа 1990/91 годов? Во-первых, де-факто окончательное решение внешних проблем, связанных с объединением, требовало сохранения тесного сотрудничества с Советским Союзом: в политико-военном отношении земли бывшей ГДР могли быть полностью интегрированы в НАТО (и евро-атлантическую региональную подсистему в целом) лишь после полного вывода Западной группы советских войск (ЗГВ). Принципиальное согласие СССР на это (с фиксацией срока выполнения до конца 1994 г.) было закреплено в Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии. Детализация технических деталей вывода войск и финансирования передислокации и обустройства (последнее — применительно к офицерским кадрам) была определена в комплексе двусторонних договоренностей 9—12 октября 1990 г.⁴ Однако, несмотря на благоприятный фон, созданный подписанием «большого» Договора о дружбе и добрососедстве между ФРГ и Германией от 9 ноября 1990 г., ратификация комплекса соглашений о выводе ЗГВ становилась все более проблематичной по мере ослабления общесоюзного Центра и делегитимизации власти М. С. Горбачева в условиях процесса начавшейся дезинтеграции СССР. В этой связи перед правительством объединенной ФРГ Г. Коля — Г.-Д. Геншера (коалиция блока ХДС/ХСС и СвДП) встала непростая задача поиска сил и рычагов в Советском Союзе (а с августа 1991 г. — РСФСР), которые бы гарантировали выполнение достигнутых договоренностей. Соответственно, на среднесрочную перспективу советское (российское) направление приобретало особую важность во внешней политике объединенной Германии.

Во-вторых, значимым был фактор «эйфории от успехов» кабинета Г. Коля — Г.-Д. Геншера. Согласованное с партнерами по НАТО (в первую очередь,

² Weissbuch 1985 zur Lage und Entwicklung der Bundeswehr. Bundesministerium der Verteidigung, Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Bonn, 1985, S. 186.

³ Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. — Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации, вып. XLVII. М., 1994, с. 34—37.

⁴ Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Федеративной Республики Германии о некоторых переходных мерах от 9 октября 1990 г. — Там же, с. 76—79; Договор между СССР и ФРГ об условиях временного пребывания и планомерного вывода советских войск с территории Федеративной Республики Германия от 12 октября 1990 г. — Там же, с. 80—97.

с администрацией президента США Дж. Буша-старшего) давление правительства ФРГ на руководство СССР позволило перейти к «форсированному» переговорному процессу по «германскому вопросу» в 1990 г. Реализуя тактику «опережающих уступок», М. С. Горбачев и Э. А. Шеварднадзе откладывали и не смогли в итоге обеспечить национальные интересы СССР по критически важным вопросам. Таковыми являлись недопущение распространения НАТО на восток, в частности на территорию бывшей ГДР; максимальная пролонгация сроков вывода ЗГВ и получение в обмен на масштабные военно-политические уступки субсидий в объемах, необходимых как для вывода войск, так и серьезных положительных сдвигов в реформировании экономики страны.

В ходе личных переговоров с канцлером ФРГ президент СССР по своей инициативе определил срок вывода ЗГВ в 3—4 года⁵, не согласовав предварительно этот важнейший вопрос с военными⁶. Вместо гигантской суммы (до 100 млрд марок)⁷, которую потенциально было готово выплатить правительство Г. Коля — Г.-Д. Геншера в пользу СССР, его руководству удалось добиться предоставления лишь 12 млрд субсидий и 3 млрд беспроцентного кредита⁸. Эти результаты убедили руководство ФРГ в выигрышности «предельно наступательной» линии в рамках переговорных процессов, заложив основу «превентивной дипломатии» Г. Коля. Её концепция заключалась в реализации значимых политических шагов (признание вновь возникавших государств, установление дипломатических отношений, подписание «прорывных» соглашений) в авангарде стран Евро-Атлантического сообщества или даже в опережение их.

В-третьих, расширение границ ФРГ на восток, став органичной частью свертывания противостояния «холодной войны», открывало возможности для вывода страны из ограничений (в том числе и добровольно принятых), которые характеризовали внешнюю политику Боннской республики с 1949 г. В первую очередь, они были обусловлены исторической ответственностью Германии за развязывание Второй мировой войны в Европе. Согласно Основному закону ФРГ, бундесвер не мог использоваться за пределами зоны ответственности НАТО. Производной от этого выступало следование ФРГ в качестве ведомого со стороны западных держав (США, Великобритании, Франции) во многих внешнеполитических вопросах, особенно в сфере международной безопасности.

Переход к постбиполярному миропорядку позволял Германии принять на себя качественную новую роль за обеспечение безопасности в Европе и в мире. Самороспуск Организации Варшавского Договора и СССР открывали огромные возможности для утверждения стратегического влияния ФРГ в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. При этом геополитический фактор — нахождение «на передовой» зоны ответственности НАТО на востоке — из проблемы в годы «холодной войны» превращался в огромное преимущество, позволявшее Германии встать в авангарде процесса распространения влияния Евро-Атлантического сообщества на новые пространства.

В условиях распада социалистического лагеря в авангарде сближения с Евро-Атлантическим сообществом со стороны государств Восточной Европы стала Республика Польша (РП). Это движение РП осуществляла по нескольким направлениям. Первым из них по значимости выступало развитие сотрудничества с США и Великобританией, вторым — с Германией и Францией. В этой связи динамика отношений ФРГ и РП являлась во многом катализатором развития контактов официального

⁵ Из беседы М. С. Горбачева с Г. Колем один на один. 15 июля 1990 г. — Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов. 1986—1991 г. М., 2006, с. 495—503.

⁶ Ахтамзян А. А. Объединение Германии. Обстоятельства и последствия: очерки. М., 2005, с. 96—153.

⁷ По данным Чрезвычайного и Полномочного посла А. И. Степанова (1990 г.), сообщенным автору статьи в 2012 г.

⁸ Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Федеративной Республики Германии о некоторых переходных мерах от 9 октября 1990 г. — Сборник международных договоров..., с. 76—79.

Бонна с восточноевропейскими странами в целом, особенно применительно к первой половине 1990-х годов.

Помимо географической близости, политическое проникновение ФРГ в Восточную Европу облегчалось богатым опытом дипломатического взаимодействия по широкому кругу вопросов, особенно с начала 1970-х годов. Официальная Варшава, хотя и настороженно отнеслась к расширению границ Боннской республики, одновременно стремилась к улучшению отношений с ней, что носило взаимный характер.

17 июня 1991 г. лидерами и министрами иностранных дел ФРГ и Польши был подписан договор о добрососедстве и сотрудничестве. Германия выступала стороной, политически, финансово и технически поддерживающей реформы по западному демократическому образцу в РП и содействующей ее сближению с Европейскими сообществами. Стороны соглашались в совместном участии в модернизации архитектуры безопасности на европейском континенте, принимая взаимные обязательства по сокращению вооруженных сил до минимально возможного уровня⁹. С учетом реализуемых ФРГ согласно Договору от 12 сентября 1990 г. мер, это положение было уступкой польской стороны. Договоренности 17 июня 1991 г. предусматривали институционализацию двусторонних встреч на высшем уровне (с частотой не менее одного раза в год) и интенсификацию межпарламентского сотрудничества и контактов по линии МИД.

Юридическая основа для сотрудничества охватывала широкий спектр сфер — от военно-политической до экономической, экологической и культурной¹⁰. Это позволило, особенно в первой половине 1990-х годов, стремительно наращивать двусторонние контакты по этим направлениям, не дожидаясь заключения отдельных профильных соглашений. 1 января 1992 г. было создано Германо-польское общество по вопросам молодежи (что, в частности, позволяло гражданам РП легко находить работу в ФРГ)¹¹; с 1993 г. в Польше стала развертываться сеть фондов и культурных учреждений Германии.

Договор с Польшей от 17 июня 1991 г. стал первым в череде документов данного типа, подписанных ФРГ с восточноевропейскими государствами. Затем были подписаны аналогичные соглашения с Болгарией, Венгрией, Чехословакией и Румынией.

Примечательно, что лишь в случае с РП договор был подписан не только министром иностранных дел, но и канцлером, что показывало особую роль Польши в германском внешнеполитическом планировании. Иллюстрацией этого стало и создание «Веймарского треугольника» 28–29 августа 1991 г. в составе Германии, Франции и Польши. Первая встреча «Веймарского треугольника» была проведена на уровне министров иностранных дел. Новый формат выступал «мостом» для сближения РП с Европейскими сообществами, и одновременно открывал широкие перспективы для налаживания сотрудничества германо-французского тандема с Восточной Европой¹². Веймар как место было глубоко символично. С одной стороны, Веймар ассоциировался с первой неудачной попыткой Германии пойти по пути западной демократии и одновременно был одним из культурных символов страны (в частности, здесь провел большую часть жизни И. В. Гёте). С другой, — вблизи Веймара находился при нацистском режиме концентрационный лагерь Бухенвальд¹³, что символизировало

⁹ Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Republik Polen über gute Nachbarschaft und freundschaftliche Zusammenarbeit vom 17. Juni. — Bulletin des Presse und Informationsamts der Bundesregierung, 1991, № 68. Bonn, 1991, S. 541–546.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Die wechselseitigen Beziehungen Deutschlands, Frankreichs und Polens seit Wegfall des «Eisernen Vorhangs» unter besonderer Berücksichtigung der Initiative «Weimarer Dreieck». — Materialversammlung. Wissenschaftliche Dienst Deutscher Bundestag. Dokumentation WD2–3000–075/16. Berlin, 2016, S. 13.

¹² Gemeinsame Erklärung der Außenminister von Deutschland, Frankreich und Polen zur Zukunft Europas. Weimar, 29. August 1991. — Bulletin des Presse und Informationsamts der Bundesregierung, 1991, № 92. Bonn, 1991, S. 735–737.

¹³ Рубинский Ю. И. Германо-польские отношения и «Веймарский треугольник». Институт Европы РАН. Аналитическая записка № 24, 2016 (№ 54). М., 2016, с. 2–3.

историческую ответственность Германии за агрессию Третьего рейха, в частности, в отношении Польши и её оккупацию в 1939–1945 гг.

«Веймарский треугольник» вкупе с быстрой ратификацией (до конца 1991 г.) парламентами сторон договора от 17 июня 1991 г. и налаживанием институтов сотрудничества позволил создать переговорные площадки между ФРГ и Польшей. Показателем дальнейшего потепления отношений стало проведение «Веймарского треугольника» в формате неофициальной встречи президентов трёх стран — Р. фон Вайцекера, Ф. Миттерана и Л. Валенсы 21 сентября 1993 г. Учитывая особенности политической системы ФРГ, федеральный президент является скорее представительной фигурой. Однако поэтому было симптоматично участие Р. фон Вайцекера в заседании «Веймарского треугольника», состоявшемся в Данциге — символе выступлений «Солидарности» в 1989 г. и в целом польской демократии. Примечательно, что первая встреча «Веймарского формата» с участием канцлера ФРГ была проведена лишь в феврале 1998 г.¹⁴

В 1991–1993 гг. Ведомство федерального канцлера выступало против включения вопроса о вступлении Польши (а также Венгрии и Чехии) в НАТО в официальную повестку дня двусторонних отношений. Ключевая причина этого состояла в стремлении учитывать обеспокоенность России в этой связи. Однако, по мере вывода ЗГВ с территории «новых земель» ФРГ, позиция канцлера Г. Коля становилась более близкой к точке зрения главы МИД Германии К. Кинкеля, настаивавшего на поддержке расширения Альянса на восток. В результате 1 декабря 1994 г., всего через 3 месяца после ухода российских войск из Германии, НАТО была запущена программа «Партнёрство ради мира». Параллельно стала готовиться на уровне МИД ФРГ детальная проработка вопроса об условиях и сроках вступления первых трех восточноевропейских стран в НАТО¹⁵. Это показывало, как быстро российский фактор уходил из повестки германо-польских отношений, а РФ, в отличие от СССР, превращалась в «одного из многих», не наделенного особой степенью важности, переговорного партнера усиливающей свои позиции Германии.

В условиях нарастания центробежных тенденций в СССР неизбежно вставал вопрос: какие политические силы возьмут на себя ответственность за выполнение обязательств союзного Центра на международной арене, в том числе по выводу войск из Германии. До середины 1991 г. Г. Коль безоговорочно продолжал отводить ключевую роль диалогу с руководством Советского Союза. Уже к концу января 1991 г. Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии был ратифицирован всеми государствами-подписантами, кроме СССР¹⁶, что не могло не вызывать нервозность в Бонне. Лишь 4 марта 1991 г. после бурных дискуссий Верховный Совет (ВС) одобрил этот документ, а также «большой» договор между СССР и ФРГ¹⁷, о чем М. С. Горбачев сразу сообщил Г. Колю¹⁸. 2 апреля 1991 г. ВС СССР в ходе закрытого заседания одобрил договоренности по выводу ЗГВ и финансированию этого процесса. Обмен ратификационными грамотами состоялся 6 мая 1991 г., что де-юре стало «точкой невозврата» в свертывании советского военного присутствия на «новых землях» ФРГ. Усилия германской дипломатии были теперь сфокусированы на выполнении

¹⁴ Die wechselseitigen Beziehungen Deutschlands, Frankreichs und Polens seit Wegfall des «Eisernen Vorhangs» unter besonderer Berücksichtigung der Initiative «Weimarer Dreieck», S. 22.

¹⁵ Varwick J. Nordatlantische Allianz. — Handbuch zur deutschen Außenpolitik. Wiesbaden, 2007, S. 771–775.

¹⁶ Zeittafel vom 12.9.1990 bis 20.12.1991. — Deutsche Aussenpolitik nach der Einheit 1990–1991. Eine Dokumentation. Herausgeben vom Auswärtigen Amt. Bonn, 1991, S. 12–13.

¹⁷ Бюллетень № 13 совместного заседания Совета Союза и Совета Национальностей 4 марта 1991 г. — Пятая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет, ч. III (1–6 марта 1991 г.). М., 1991, с. 91–93.

¹⁸ Телефонный разговор М. С. Горбачева с Г. Колем. 5 марта 1991 г. — Михаил Горбачев и германский вопрос, с. 639–640.

договоренностей. Показательно, что уже 18 июня 1991 г. в ходе встречи с М. С. Горбачевым Г. Коль запросил от своего визави подробную информацию о ситуации в РСФСР, особенно о личности Б. Н. Ельцина, избранного 12 июня 1991 г. президентом России¹⁹.

Во время неудачного выступления ГКЧП (19–21 августа 1991 г.) отчетливо вырисовалась трехкомпонентная схема политической линии ФРГ в отношении Советского Союза. Первый элемент — выражение поддержки М. С. Горбачеву: в частности, именно Г. Коль стал инициатором требований к ГКЧП по освобождению президента СССР²⁰. Вторая составляющая — параллельное налаживание сотрудничества с руководством России во главе с Б. Н. Ельциным. Уже в день ареста руководителей ГКЧП состоялся первый телефонный разговор канцлера ФРГ и президента РСФСР. Он стал прологом к официальному визиту Б. Н. Ельцина в Бонн 21–23 ноября 1991 г., то есть еще до Беловежского соглашения. Итогом переговоров стало проявление готовности ФРГ установить отношения с Россией в обмен на принятие Б. Н. Ельциным обязательств по строгому соблюдению сроков вывода ЗГВ из Германии²¹. В ходе переговоров было также принято решение об институционализации встреч на высшем уровне. Наконец, третий элемент — установление прямых контактов с другими союзными республиками, в первую очередь со странами Балтии.

Признание России как правопреемницы СССР и установление с ней дипломатических отношений было осуществлено 26 декабря 1991 г., сразу после самороспуска Советского Союза. Г. Коль стремился оказывать политическую поддержку Б. Н. Ельцину: он был приглашен в качестве специального гостя на саммит «Большой семерки» в Мюнхене²². Однако, несмотря на это, в первой половине — середине 1992 г. политико-дипломатическое взаимодействие Германии и России не приобрело высокого динамизма. Главная причина трудностей развития диалога в целом крылась в инициированном Украиной споре с Россией о распределении средств на размещение офицерских кадров ЗГВ. Будучи вынужден временно «заморозить» финансирование этой программы, кабинет ФРГ не мог не понимать возможность срыва сроков вывода советских войск. Тем более, что о таком сценарии открыто заявил на встрече с германскими представителями в июне 1992 г. министр обороны России П. С. Грачев²³. Решение проблемы (с максимальным учетом запросной позиции РСФСР) было найдено лишь к середине декабря 1992 г. Несмотря на отсутствие финансирования со стороны ФРГ, процесс вывода ЗГВ продолжался на протяжении всего 1992 г. — к началу 1993 г. было проведено шесть заседаний межгосударственной комиссии по данному вопросу²⁴.

Эти обстоятельства привели к резкому наращиванию сотрудничества между Россией и Германией. 14–16 декабря 1992 г. в Москву состоялся визит канцлера Г. Коля и министра иностранных дел К. Кинкеля, игравших роли «добраго и злого полицейских» соответственно. Б. Н. Ельцин не только подтвердил приверженность выводу ЗГВ, но даже согласился на ускорение этого процесса на 4 месяца (то есть с завершением не 31 декабря, а 31 августа 1994 г.). В ответ Г. Коль заявил о выделении дополнительно 550 млн марок субсидий (Кремль запрашивал 850 млн.), а также согласился добиваться отсрочки для России по выплате внешнего долга МВФ. Кроме того, стороны в развитие «большого» договора 1990 г. заключили соглашение о сотрудничестве по

¹⁹ Тезисы к беседе М. С. Горбачева с Г. Колем. — Там же, с. 641–642.

²⁰ Veröffentlichung Moskau Erklärung an die Staats- und Regierungschefs. — Kohl H. Erinnerungen 1990–1994. Berlin, 2006, S. 365.

²¹ Besuch des Präsidenten von Russland vom 21–23. November 1991 in Deutschland. — Deutsche Außenpolitik nach der Einheit 1990–1993, S. 122–125.

²² Zeittafel vom 12.9.1990 bis 20.12.1993, S. 20.

²³ Дубинин Ю. В. Дипломатический марафон. М., 2009, с. 18–22.

²⁴ Zeittafel vom 12.9.1990 bis 20.12.1993, S. 25–26.

вопросам культуры и науки²⁵, что создало правовые основания для запуска деятельности германских неправительственных организаций, в частности фондов, в России.

С этого времени Б. Н. Ельцин персонально (как и ранее М. С. Горбачев) стал рассматриваться в качестве гаранта выполнения договоренностей 1990 г.,²⁶ что предопределило его исключительную поддержку со стороны Г. Коля. Так, по его инициативе на полях встречи «Большой семерки» в Токио вновь было организовано специальное заседание с участием президента России²⁷. В 1993 — середине 1994 гг. федеральный канцлер играл роль «адвоката» России в деле получения отсрочек по выплатам старых долгов и получения новых кредитов от стран и финансовых институтов Запада. Однако часто эта позиция не находила поддержки даже внутри правительственного кабинета²⁸. Особое внимание к ситуации в России было приковано в ФРГ в связи с развернувшейся борьбой между президентом России и Верховным Советом. Силовая победа Б. Н. Ельцина в ходе событий 3–4 октября 1993 г. была с большим удовлетворением воспринята в Бонне²⁹.

Это позволило Б. Н. Ельцину полностью выполнить обязательства по срокам вывода ЗГВ, лично контролируя этот процесс. Детали завершения вывода ЗГВ были согласованы в ходе визита главы РФ в Бонн — действующую столицу ФРГ — 11–13 мая 1994 г.³⁰ 31 августа 1994 г. Б. Н. Ельцин и Г. Коль присутствовали на процедуре завершения вывода Западной группы войск из Берлина³¹ — города-символа исторической мощи Германии, в которой решением Бундестага переносилась столица новой объединенной ФРГ. Тем самым шаги президента России символизировали согласие с возрождением объединенной Германии как державы, причем во многом за счет ослабления позиций самой РФ.

После этого развитие двусторонних отношений, в том числе на высшем уровне, стало демонстрировать отрицательную динамику. Формально лидеры, как отмечал отечественный исследователь Н. В. Павлов, продолжали придерживаться «банной дипломатии»³². Однако, хотя Г. Коль последовательно стремился рассматривать РФ как «молодую демократию», а Б. Н. Ельцина как сторонника реформ, направленных на ее укрепление, канцлер Германии уже не стремился играть роль лоббиста интересов Кремля в доступе к западной экономической помощи³³. Параллельно роль российского фактора стремительно была сведена до минимума и в отношениях ФРГ с бывшими союзными республиками, диалог с которыми стал выстраиваться еще в период существования СССР, причем наиболее продвинутыми стали отношения Германии со странами Балтии.

27 августа 1991 г. Европейские сообщества заявили о признании независимости Литвы, Латвии и Эстонии³⁴. Главным инициатором этого решения стал кабинет Г. Коля — Г.-Д. Геншера. Уже на следующий день ФРГ заявила о восстановлении дипломатических отношений со всеми тремя государствами³⁵. Согласно заявлению ЕЭС

²⁵ Ibidem.

²⁶ Максимычев И. Ф. Цена политических иллюзий. — Обозреватель (Observer), 2008, № 3, с. 29–38.

²⁷ Zeittafel vom 12.9.1990 bis 20.12.1993, S. 25.

²⁸ Kohl H. Op. cit., S. 540–545.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Satjukow S. Besatzer: «Die Russen» in Deutschland, 1945–1994. Göttingen, 2008, S. 16.

³¹ Ibid., S. 17.

³² Павлов Н. В. Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире. М., 2005.

³³ Lough J. Germany's Russia Challenge (Fellowship monograph). — Research Division NATO Defense College. Naples, 2018, p. 18–19.

³⁴ Erklärung der EG zu den baltischen Staaten, 27. August 1991. — Deutsche Aussenpolitik nach der Einheit 1990–1993, S. 81.

³⁵ Klein A. M., Herrmann G. Die Beziehungen Deutschlands zu den Baltischen Ländern seit der Wiedervereinigung. — KAS Auslandsinformationen, 2010, № 9, S. 66.

от 27 августа 1991 г., для развития сотрудничества с официальными Вильнюсом, Ригой и Таллином реализовывались две меры. Первая — это создание на уровне ЕЭС специальной комиссии для скорейшего установления отношений между другими государствами-членами Европейских сообществ и странами Балтии. Вторая — приглашение министров иностранных дел Литвы, Латвии и Эстонии в качестве специальных гостей на заседание руководителей внешнеполитических ведомств стран-участниц Европейских сообществ, начиная с сентября 1991 г.³⁶ Это должно было стать первым шагом на пути будущей ассоциации новых демократических стран Балтии и Евро-Атлантического сообщества.

Момент для признания стран Балтии был выбран удачно. После провала выступления ГКЧП в Москве (19–21 августа 1991 г.) вертикаль общесоюзной власти была парализована, а руководство РСФСР во главе с Б. Н. Ельциным, занятое борьбой с Центром, не было готово вмешаться в «прибалтийский вопрос», несмотря на его переход в фазу открытой сецессии.

Исторически Прибалтика находилась в фокусе германской и российской внешней политики. В условиях вступления стран Балтии на путь независимого развития стало возрастать влияние немцев в регионе. Боннская республика, как и ее партнеры по Евро-Атлантическому сообществу, отрицали законность вхождения трех прибалтийских республик в состав СССР в 1940 г. Последовательно признавая историческую вину за действия Третьего рейха, ФРГ осуждала секретный протокол к германо-советскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. и другие секретные советско-германские договоренности 1939–1941 гг., рассматриваемые как основу последующих шагов СССР по обеспечению включения Литвы, Латвии и Эстонии в свой состав. Соответственно, в трактовке германской стороны речь шла не об «установлении», но «восстановлении» дипломатических отношений с этими странами³⁷.

Почва для динамичного развития сотрудничества ФРГ со странами Балтии, начавшегося сразу после признания их независимости, стала, как указывали германские исследователи из фонда Аденауэра А. Кляйн и Г. Герман, готовиться еще с 1988 г. В это время на фоне провозглашения Литвой, Латвией и Эстонией суверенитета официальный Бонн впервые стал декларировать наличие отдельного балтийского вектора своей внешней политики³⁸. Однако решение от 11 марта 1990 г. Литвы — первой из прибалтийских республик СССР — о выходе из состава Союза не было официально поддержано властями ФРГ. Ведомство федерального канцлера заявило, что это является внутренним делом Советского Союза. До достижения «точки невозврата» в благоприятном для себя решении «германского вопроса» руководство ФРГ не было готово де-юре вмешиваться в ситуацию в странах Балтии, что могло бы стать мощным раздражителем отношений с советской стороной.

Ситуация стала меняться после подписания комплекса договоров 12 сентября — 12 октября 1990 г. Так, в январе 1991 г. Г. Коль в телефонном разговоре с М. С. Горбачевым осудил применение силы в Вильнюсе и Риге и призвал к обеспечению демократических прав и свобод населения. Параллельно, по мере ратификации Советским Союзом договоренностей по «германскому вопросу», стала создаваться сетка межпарламентских контактов. В феврале 1991 г. по инициативе фракции в Бундестаге СДПГ (оппозиционной, что де-юре снимало ответственность с правительства) было создано Информационное бюро по ситуации в странах Балтии, а в апреле открыт германский Культурный институт в Таллинне. В июне 1991 г. парламентарий уже от правительства ХДС В. фон Штеттин выдвинул и реализовал идею создания постоянно действующей группы депутатов законодательных собраний стран Балтии и ФРГ³⁹. Эта

³⁶ Ibidem.

³⁷ Klein A. M., Herrmann G. Op. cit., S. 66.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibid., S. 69.

площадка стала одной из основных в деле согласования дальнейших шагов Германии по поддержке независимого существования Литвы, Латвии и Эстонии.

Недостаток внимания со стороны как советского, так и российского руководства осенью 1991 г. облегчил дальнейшее сближение Германии с Литвой, Латвией и Эстонией. Всего через две недели после восстановления дипломатических отношений, 11–12 сентября 1991 г. Г.-Д. Геншер провел переговоры со своими визави из всех трех стран Балтии⁴⁰. В их ходе вице-канцлер и министр иностранных дел ФРГ недвусмысленно обозначил стремление к поддержке новых партнеров. С этого времени правительство ФРГ пошло на увязывание в один пакет двух переговорных треков: вывода советских (российских) войск с «новых земель» ФРГ и одновременно из прибалтийских республик. Эти вопросы рассматривались вместе в ходе переговоров министром иностранных дел ФРГ К. Кинкелем в ходе его совместного с канцлером Г. Коля визита в Россию 14–16 декабря 1992 г.⁴¹

Настойчивость официального Берлина стала одной из причин полного свертывания российского военного присутствия в Литве уже к осени 1993 г., а в Латвии и Эстонии — 31 августа 1994 г.⁴² Символично, что именно в этот день было полностью свернуто и присутствие ЗГВ на «новых землях» Германии.

Успешное решение этого вопроса позволило ФРГ позиционировать себя в качестве влиятельной державы, готовой отстаивать интересы балтийских стран, особенно по вопросам безопасности, на региональном и глобальном уровнях. 20 апреля 1993 г. К. Кинкель подписал со своим латвийским коллегой декларацию об основах отношений, создав правовую базу для двусторонних консультаций на высоком и высшем уровнях. 29 апреля 1993 г. аналогичный документ был подписан с Эстонией, а 21 июля 1993 г. — с Литвой⁴³. 23 августа 1994 г. была учреждена переговорная площадка «В3+1» — формат ежегодных встреч глав МИД трех стран Балтии и ФРГ. Создавая его в 45-ю годовщину подписания договора о ненападении между СССР и Германией, К. Кинкель подчеркнул, что ФРГ не допустит ущемления интересов Литвы, Латвии и Эстонии, неся историческую ответственность за обеспечение их независимого и безопасного существования⁴⁴. Последовательно представляя свои действия как частичное искупление вины за договор 23 августа 1939 г., ФРГ не только усиливала симпатии к себе, но вольно или невольно способствовала росту негативного восприятия РФ как продолжательницы СССР.

Германские исследователи указывают на характерную для дипломатии ФРГ на восточном направлении дилемму. МИД (как при Г.-Д. Геншере, так и К. Кинкеле) в максимальной степени ратовал за учет интересов малых и средних восточноевропейских (и постсоветских) государств, а Ведомство федерального канцлера стремилось принимать во внимание обеспокоенности Кремля. Иллюстрацией этого являлся факт преимущественных переговоров между ФРГ и странами Балтии, Польшей на высоком уровне, а с Россией — на высшем.

Стремясь сделать небольшие ответные уступки в обмен на вывод войск из стран Балтии, Ведомство федерального канцлера настаивало на уважении прав русскоязычного населения в Прибалтике, особенно со стороны Эстонии и Латвии. Однако введение правовой категории «неграждан» официальными Ригой (с 1992 г.) и Таллинном (с 1993 г.) не привело к сколько-нибудь заметному охлаждению их отношений с ФРГ.

5–6 марта 1992 г. по предложению Германии и Дании был создан Совет государств Балтийского моря. В его состав, помимо инициаторов, вошли Литва, Латвия,

⁴⁰ Zeittafel vom 12.9.1990 bis 20.12.1993, S. 15.

⁴¹ Kohl H. Op. cit., S. 511.

⁴² Klein A. M., Herrmann G. Op. cit., S. 71.

⁴³ Zeittafel vom 12.9.1990 bis 20.12.1993, S. 25, 27.

⁴⁴ Treffen mit baltischen Partnern. — https://www.auswaertiges-amt.de/DE/AAmt/zz_Archiv_BM-Reisen/2012/08_Vaduz_Riga_Oslo/120822_BM_Vaduz.html

Эстония, Польша, Финляндия, Швеция, Россия, а также Норвегия⁴⁵. Для ФРГ этот многосторонний формат позволял возможность усиливать свое присутствие как в Прибалтике, так и Северной Европе (которая исторически обладала разветвленными связями с Германией), играя в структуре одну из ключевых ролей⁴⁶. Кроме того, Совет должен был, с точки зрения официального Бонна, стать площадкой для урегулирования «болевых узлов» в отношениях стран Балтии и России — в частности, посредством коллегиального обсуждения военных инцидентов сторон.

Определенная двойственность политики Германии в вопросах определения скорости сближения Литвы, Латвии и Эстонии с институтами Евро-Атлантического сообщества проявлялась в первой половине 1990-х годов. С одной стороны, ФРГ выступала одним из проводников этого процесса, уже в реалиях 1991 г. ставя перспективной целью ассоциацию стран Балтии с ЕС и НАТО, публично не исключая возможности вхождения стран Балтии в эти структуры. С другой, — ФРГ противилась чрезмерному форсированию данного процесса, на чем, в частности, настаивала Дания. Чем это было обусловлено? Во-первых, германское руководство и персонально Г. Коль стремились учитывать озабоченности России (с учетом реализованных ею в отношении Германии обязательств), настаивая на сдержанности в вопросах расширения НАТО, что не означало сопротивление этому процессу в принципе. Во-вторых, что было более важным, ФРГ была готова согласиться на формальное вхождение в евро-атлантические институты стран Балтии лишь после того, как и в них (и в Восточной Европе в целом) будут обеспечены весомые германские позиции в национальном качестве. Ресурсные возможности и степень влияния на мировом и региональном (в Европе) уровнях у Германии, особенно в 1990-е годы, были существенно меньше, чем у Великобритании, тем более у США. Соответственно, сохранение ориентированности на ФРГ, а не только на англо-саксонские державы как на влиятельных партнеров со стороны стран Балтии после их вступления в ЕС и особенно НАТО могло быть обеспечено только посредством предварительного создания мощного фундамента дву- и четырехстороннего сотрудничества. При этом правовая и институциональная основа для этого, в том числе формат «В3+1», были созданы уже в 1993—1994 гг.

Эффективность использования Германией своих дипломатических инструментов, активность и решительность германской политики применительно к странам Балтии в первой половине 1990-х годов заложили фундамент динамичной, не содержащей серьезных «болевых узлов» модели отношений, которая сложилась в начале XXI в.

Несколько иными по своим качественным характеристикам оказались политические шаги ФРГ в отношении других частей постсоциалистического пространства.

Несмотря на «эйфорию от успехов» в результате переговорного процесса 1990 г., германский истеблишмент понимал, что возможностей для полномасштабного стратегического проникновения сразу во все регионы постсоциалистического пространства у ФРГ нет. С учетом факторов территориальной близости и, соответственно, геополитической значимости фокусными направлениями в первой половине 1990-х годов были избраны Восточная Европа (включая страны Балтии) и распадавшаяся Югославия. В случае с постсоветским пространством политическое проникновение Германии носило в основном точечный характер. Это обуславливалось, во-первых, невысокой степенью разветвленности экономических и культурных контактов с большинством союзных республик (особенно на Кавказе и в Средней Азии), накопленных к 1991 г. Во-вторых, необходимо было учитывать огромное влияние России на большей части постсоветского пространства в начале 1990-х годов, соперничать с которым ФРГ в то время не могла.

Из бывших союзных республик СССР наиболее значимым (после России) партнером Германия рассматривала Украину. Еще в 1989 г. первой из западных стран ФРГ

⁴⁵ С 1995 г. в состав совета вошла также Исландия.

⁴⁶ *Danchert H.* *Anwalt der Balten, oder Anwalt in eigener Sache? Die Deutsche Baltikumpolitik 1991—2004.* Berlin, 2008.

открыла генконсульство в Киеве, тем самым получив возможность установить прямые связи с украинским руководством и, что не менее важно, получать оперативно-детальную информацию о развитии обстановки в стране. После путча ГКЧП в условиях резкого нарастания центробежных настроений среди руководства Украины до декабря 1991 г. Киев посетили председатель ХСС (партии-«сестры» ХДС в Баварии) Т. Вайгель, группа депутатов и президент Бундестага Р. Зюсмут, что позволило создать постоянный канал межпарламентского взаимодействия с Украиной. В рамках организованной на Украине «недели немецкой культуры» в октябре 1991 г. в страну с визитом первым из глав внешнеполитических ведомств западных стран прибыл Г.-Д. Геншер⁴⁷. Тем самым была подготовлена почва для официального признания независимости. В случае с Украиной это было сделано 26 декабря 1991 г., то есть на следующий день после самороспуска СССР и одновременно с реализацией аналогичного политического шага в отношении РСФСР. Дипломатические отношения Германии с Украиной были установлены 17 января 1991 г.; в этом отношении Украина опередила остальные республики на постсоветском пространстве, кроме России. Генеральное консульство Германии в Киеве было переименовано в посольство (со значительным расширением штата), а Посольство Украины в ФРГ было открыто в марте 1992 г.⁴⁸

Свой первый государственный визит в качестве президента Украины Л. Кравчук в феврале 1992 г. совершил именно в Бонн⁴⁹. В фокусе внимания находился поставленный Л. Кравчуком вопрос о предоставлении Украине 52% от объема средств, выделяемых ФРГ на постройку жилья для офицеров ЗГВ. Согласно планам еще министерства обороны СССР, ЗГВ должна была выводиться в Россию, Беларусь и Украину, при этом Россия должна была принимать основную группу войск. Но власти в Киеве массово призывали оставаться в Украине представителей офицерского корпуса, поскольку именно на предоставление им жилья выделялась самая крупная часть траншей ФРГ (7,8 млрд марок из общего объема в 15 млрд.). В сложившейся ситуации Г. Коль отказался вмешиваться в спор, который был признан им как российский-украинский. Более того, ФРГ была вынуждена «заморозить» программу строительства жилья для командного состава ЗГВ. Решение проблемы удалось найти усилиями делегаций России во главе с послом Ю. В. Дубининым и Украины лишь в середине декабря 1992 г., в преддверии визита Г. Коля в Москву: официальный Киев получал 9,67% от общего объема суммы на расселение выведенных из Германии офицеров⁵⁰. Это сняло ключевое препятствие для углубления германо-украинского диалога. Уже с начала 1993 г. он значительно активизировался, причем на всех уровнях, что свидетельствовало о консенсусе канцлера и министра иностранных дел Германии в вопросе значимости украинского вектора внешней политики ФРГ. 3 февраля 1993 г. в Германию с официальным визитом прибыл президент Украины В. Кравчук, а 15–16 февраля Украину в ответ посетил К. Кинкель. 4–5 мая 1993 г. в Бонн прибыл для переговоров премьер-министр Л. Кучма, а 9–10 июня 1993 г. Г. Коль совершил турне по Украине⁵¹. В ходе визитов были приняты решения о создании постоянно действующего формата межгосударственных консультаций.

При этом в германо-украинском взаимодействии по вопросам международной безопасности оставался еще один «раздражитель» — затягивание Украиной вопроса о ликвидации на своей территории ядерного потенциала, оставшегося от СССР. Добровольно отказавшись от производства, владения и распоряжения всеми известными видами оружия массового уничтожения (ОМУ) и поражения (в соответствии

⁴⁷ Kryvonos R. Deutsch-ukrainische Beziehungen vor dem Machtwechsel in Deutschland 1998. — Berliner Osteuropa Info, 2000, № 14, S. 88.

⁴⁸ Ibid, S. 89.

⁴⁹ Дубинин Ю. В. Указ. соч., с. 10.

⁵⁰ Там же, с. 33.

⁵¹ Zeittafel vom 12.9.1990 bis 20.12.1993, S. 24–25.

с Договором от 12 сентября 1990 г.), ФРГ весьма болезненно относилась к стремлению получить доступ к ОМУ со стороны стран, не входящих в клуб легальных ядерных держав. Точку в этой проблеме поставил Будапештский меморандум о присоединении Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия от 5 декабря 1994 г. Это событие, как показали дальнейшие события, укрепило германских политиков во мнении о необходимости дальнейшего обеспечения сближения официального Киева с Евро-Атлантическим сообществом.

Дипломатические отношения с Беларусью были установлены в ходе официального визита Г.-Д. Геншера в Минск 13 марта 1992 г. В отличие от Украины, Беларусь не оспаривала свою долю (4,8%) в распределении средств на обустройство выводимой ЗГВ, полностью освоив их уже к середине 1992 г.⁵² Столь же безболезненно прошел и процесс утилизации ядерных боезарядов на территории республики. Решение этих значимых для ФРГ вопросов безопасности открыло путь институционализации двусторонних отношений: решение об этом было принято в ходе визита президента Беларуси С. Шушкевича в Бонн 15–18 сентября 1992 г.⁵³ Примечательно также, что учреждение 1 июля 1993 г. первых на постсоветском пространстве представительств Гёте-института — одного из наиболее эффективных механизмов проецирования «мягкой силы» ФРГ в мире — состоялось, помимо Санкт-Петербурга, в Киеве и Минске. Сдерживающим фактором для сохранения взятой динамики стало начавшееся российско-белорусское сближение, резко ускорившееся после избрания президентом Беларуси А. Г. Лукашенко в июле 1994 г.

Из числа закавказских республик на пространстве СНГ особая роль руководством ФРГ отводилась налаживанию полноценного диалога с грузинской стороной. Германия первой из западных стран признала независимость Грузии. Дипломатические отношения ФРГ с Грузией и Молдовой были установлены позднее, чем с другими бывшими союзными республиками СССР. Одним из сдерживающих факторов выступала длительная силовая борьба за власть в Тбилиси. В марте 1992 г. отчетливой стала возможность победы в ней Э. А. Шеварднадзе (он стал председателем Государственного совета Грузии, готовясь занять пост главы государства), с которым высшее руководство ФРГ установило тесные личные контакты еще в период пребывания этого деятеля на посту министра иностранных дел СССР в 1985–1991 гг. Сыграв значимую роль в благожелательном для официального Бонна решении «германского вопроса» в 1990 г., Э. А. Шеварднадзе позиционировал себя и воспринимался в ФРГ как сторонник сближения Грузии с Евро-Атлантическим сообществом. Убеждая своих партнеров по Европейским сообществам в демократическом характере вновь выстраиваемой вертикали власти в Грузии, Германия де-факто стала дирижировать начавшимся процессом признания западными странами официального Тбилиси как международного игрока. Отправной точкой для этого стал официальный визит Г.-Д. Геншера в Грузию 12–13 апреля 1992 г., в ходе которого и были установлены дипломатические отношения⁵⁴.

Другим, не менее значимым, сдерживающим фактором являлось активное развитие «горячей фазы» вооруженных конфликтов грузинских властей с Абхазией и Южной Осетией. С момента признания Грузии Германией, последняя стала стремиться принять участие в их урегулировании, последовательно настаивая в рамках этого процесса как сохранении территориальной целостности грузинского государства как высшем приоритете. Официальный Бонн осуждал Россию за развитие контактов с Абхазией и Южной Осетией⁵⁵, в значительной степени игнорируя ведущую и кон-

⁵² Дубинин Ю. В. Указ. соч., с. 10–12.

⁵³ Zeittafel vom 12.9.1990 bis 20.12.1993, S. 21.

⁵⁴ Ibid., S. 19.

⁵⁵ Antwort der Bundesregierung auf die Große Anfrage der Fraktionen der CDU/CSU und FDP (Drucksache 12/5046). Deutscher Bundestag, 12. Wahlperiode. Drucksache 12/6162, 12.11.1993, S. 8.

структивную роль Москвы в урегулировании конфликтов, в том числе посредством использования миротворческих контингентов. В 1994 г. министерство обороны ФРГ направило 20 военных и гражданских наблюдателей в состав развернутой в зоне грузино-абхазского вооруженного конфликта миссии ООН (штатная численность миссии — 136 человек)⁵⁶. Параллельно, совместно с США, Великобританией, Францией Германия приняла участие в запуске формата Группы друзей генерального секретаря ООН — совместной с РФ политической площадки по урегулированию напряженности между официальным Тбилиси и Абхазией. В рамках этих военного и дипломатического механизмов ФРГ позиционировала себя как защитник интересов Грузии на региональном и глобальном уровнях.

В случае с Арменией и Азербайджаном на фоне нагорно-карабахского конфликта Германия стремилась балансировать между Ереваном и Баку: в пользу этого говорит одновременное их признание и близкие сроки установления дипломатических отношений. Этому направлению, в отличие от грузинской тематики, уделялось существенно меньше внимание: ФРГ не вошла в состав Минской группы ОБСЕ, ответственной за урегулирование ситуации в Нагорном Карабахе.

В деле установления отношений со среднеазиатскими республиками и Казахстаном ФРГ столкнулась со значительными техническими трудностями (отсутствие дипломатических учреждений на уровне генеральных консульств до момента признания). Тем не менее, эти проблемы удалось разрешить в течение 2–3 месяцев, что свидетельствовало о наличии существенной взаимной заинтересованности в сближении. В условиях нарастания экономической нестабильности в РФ, являвшейся экономическим донором для среднеазиатских республик и Казахстана, последние оказались остро заинтересованы в предоставлении инвестиций и официальной помощи развития со стороны ФРГ. Именно эти вопросы находились в фокусе внимания сторон в 1990-е годы, будучи поднятыми в ходе визитов в ФРГ президента Киргизии А. Акаева (апрель 1992 г.), Н. Назарбаева (сентябрь 1992 г.), И. Каримова (апрель 1993 г.)⁵⁷. Примечательно, что первым из них с канцлером ФРГ встретился глава Киргизии — страны, чьи ресурсные возможности были существенно ниже, чем у Казахстана или Узбекистана. Киргизия оказалась единственной в субрегионе, где после провозглашения независимости пришел к власти новый, формально не связанный с руководством советской эпохи лидер А. Акаев, что воспринималось на Западе в качестве символа начала демократического транзита страны.

Показательно, что, в отличие от Прибалтики, в западном, закавказском и центральноазиатском субрегионах СНГ в первой половине 1990-х годов не были созданы многосторонние переговорные форматы с участием ФРГ; взаимодействие в основном развивалось по двусторонним каналам.

В 1991–1994 гг. происходило постепенное «расщепление» традиционной «Восточной политики» ФРГ на отдельные векторы дву- и многосторонних отношений со странами Восточной Европы (в том числе и тяготевшими к ним государствами Балтии) и постсоветского пространства. К сентябрю 1994 г. после свертывания российского военного присутствия на территории постсоциалистического пространства, особенно на «новых землях» ФРГ, фактор Кремля перестал играть значимую роль в отношениях Германии с партнерами в Восточной Европе и на пространстве СНГ. Это и стало завершением «старой» «Восточной политики».

На следующем этапе отчетливо вырисовалась модель налаживания двусторонних официальных связей Германии с государствами на постсоциалистическом пространстве, провозглашавшими свою независимость.

⁵⁶ The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. — Federal Ministry of Defense. Berlin, 2009, p. 58–59.

⁵⁷ Zeittafel vom 12.9.1990 bis 20.12.1993, S. 20–21, 25.

Более продвинутые отношения Германия развивала с теми государствами, которые рассматривались как потенциальные кандидаты на вступление в институты Евро-Атлантического сообщества. При этом создание многосторонних переговорных площадок («Веймарский треугольник», «В3+1») существенно облегчало закрепление стратегического влияния ФРГ на уровне стран и регионов.

Активность и следование ФРГ в авангарде стран Запада в вопросе использования дипломатического инструментария на постсоциалистическом пространстве создали имидж Германии как последовательной защитницы «молодых демократий» в Восточной Европе и на постсоветском пространстве. Из исторической памяти в значительной степени стирается восприятие Германии как агрессора-поработителя народов Восточной Европы и Советского Союза в годы Второй мировой войны. Учитывая политическую значимость фактора исторической памяти, новый имидж Германии выступает мощным идеологическим двигателем сотрудничества государств постсоциалистического и постсоветского пространства с ФРГ.